

Д. Кайраткызы*¹,
Р.Р. Баркибаева¹,
О.А. Валикова²

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

²Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

E-mail: dika_9204@mail.ru, kainigulasia@mail.ru, leka.valikova@mail.ru

Проблемы экологии личности как субъекта художественного текста (на материале романа Н. Веревокина «Зуб мамонта. Летопись Мертвого города»)

Аннотация. Настоящая статья посвящена актуальной междисциплинарной проблеме – экологии личности в контексте литературоведческого подхода. Экология личности, исследующая феномен индивидуальной психической структуры, развивается в настоящее время в нескольких направлениях – от панэкологического, когда индивид осмысливается как часть окружающей среды, до психологического, когда его уникальные личностные характеристики участвуют в протекании субъектных интеракционных процессов. Материалом для исследования данного явления может стать и литература. Художественный текст, субъектная организация которого представляет собой данные для анализа, предоставляет нам типы личностей, которые целесообразно исследовать с точки зрения личностной экологии. В данной работе мы попытались продемонстрировать это на примере постмодернистского текста – произведения Н. Веревокина «Зуб мамонта. Летопись мертвого города». Протагонист романа – классический образец дефекцитарной личности, преодолевающей собственные негативные установки в контексте новой для себя социальной среды. Используя метод мифопоэтического анализа и психологического комментирования, мы пришли к выводу, что герой современной казахстанской прозы – это личность с нарушенной внутренней экологией, восстановить которую способны лишь определенные обстоятельства (эксплицированные нами на уровне сюжетки).

Ключевые слова: экология личности, постмодернизм, дефекцитарный герой, Николай Веревокин.

DOI: <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2023-143-2-122-131>

Введение. Гуманитаристика XXI века развивается под знаком междисциплинарного синтеза в русле антропоцентризма – полипарадигмального вектора исследований жизни современного общества. Объектом изучения целого ряда наук становится человек во всем многообразии своих проявлений. Одним из актуальных эпистемологических направлений в заданном контексте является экология личности.

Экология личности (Human Ecology) – часть социальной экологии. Концептуальное поле этой дисциплины сосредоточено на трех центральных проблемах: взаимодействии человека с окружающей средой, сохранении его здоровья, развитии психического потенциала. В системе человекознания Б.Г. Ананьев выделяет четыре базовых концепта: биологический индивид, личность, субъект деятельности, индивидуальность.

Каждый из этих структур детерминирован воздействием физической и социальной среды (Ананьев, 2001). Экология личности уделяет особое внимание психическому и социальному компонентам личностной структуры.

Психическое здоровье – то состояние благополучия, при котором человек может в полной мере реализовать свой потенциал, выработать резистентность к стрессовым ситуациям, эффективно работать, вносить свой вклад в развитие сообщества. Содержание этого понятия включает не только медицинские и психологические критерии, но и социальные нормы, регулирующие духовную жизнь человека, а также ту аксиологическую систему координат, внутри которой он существует (Казначеев, 1986; Белоус, 2020; Ивлева, 2017).

Личность рассматривается как субъект, переживающий содержательно ценностные процессы самоактуализации (А. Маслоу, Ш. Бюлер, К. Гольдштейн), полноценного функционирования (К. Роджерс), аутентичности (Дж. Бюдженталь), стремления к смыслу (В. Франкл). Психологически экологичной считается личность, которая соответствует следующим параметрам:

- адекватному возрастной категории уровню зрелости эмоциональной, волево-волевой и гносеологической сфер ментально-психической структуры;
- способности к высокой адаптивности в микросоциальных отношениях;
- разумному планированию жизненных целей, наличию индивидуальной телеологии.

В данном аспекте экология личности коррелирует с понятием «психическое здоровье», которое обусловлено многими факторами: биологическими, психологическими и социальными.

Социальный компонент экологии личности квалифицируется как состояние удовлетворенности социальными отношениями, принятие и выполнение общественных норм, требований и нравственных принципов.

Экология личности как научное направление сосредоточена на изучении закономерностей и возможностей сохранения ее здоровья в условиях социально-информационной среды. Необходимо создать условия для раскрытия потенциала личности, восстановления равновесия в человеческой душе. Исследователь Г.В. Оллпорт полагает,

что экология личности напрямую связана с ее зрелостью, то есть способностью владеть своим окружением, единством личностных черт и ценностных ориентаций, восприятием людей и себя в мире (Оллпорт, 2002).

Экологическая личность – наиболее востребованный тип общественного сознания в XXI веке. В середине XX века французский культуролог М. Фуко полагал, что экология личности есть хозяйственное отношение человека к самому себе, забота о собственном теле и здоровье (цит. по Панферов, 2011). Экология человека изначально затрагивала контекст его бытования; «экология личности» как более узкое направление в рамках сложившейся парадигмы была призвана исследовать нравственную сторону жизни человека, а также особенности функционирования его психики. Личность представляется «местом обитания» информации, поступающей извне через механизмы мышления, чувствования и поведения. Это когнитивно-перцептивно-активная экосистема. Если структура личности взаимодействует с потоками информации, ее состав меняется в зависимости от поступающих в нее элементов дискурсивного контекста – в том числе путем чтения и восприятия художественного текста.

Экология личности – направление, вписывающееся в неогуманистические исследования. В определенном смысле это одно из ответвлений общеполитического направления гуманизма. Несмотря на то, что гуманизм как гносеологема получает свое развитие еще в эпоху Возрождения, на сегодняшний день концептуальное поле ее продолжает уточняться: философы, литературоведы и другие представители гуманитарного знания задаются вопросом, каковы границы гуманизма, квалифицировать ли его как провозглашение ценности жизни и достоинства отдельного субъекта – или это социальный феномен, который следует рассматривать диахронически? По-разному отвечает на поставленный вопрос и литература, в особенности литература постмодернизма.

Постмодернизм – направление, казалось бы, отвергающее гуманизм как таковой. Его магистральным вектором, напротив, становится дегуманизация как отдельной личности, так и общества. Намеренно трагедийная манера изложения, концентрированная интертекстуальность,

модификация канонических текстов прошлого создают такой модус восприятия, при котором невозможно рассматривать гуманизм как целостную идею вне сатирического или иронического подтекста (Hutcheon, 1988; Sim, 2011; Demeyer, Vitse, 2021). Проблемы экологии личности для постмодернистской эстетики связаны, как правило, с субъектом, находящимся в поиске собственной идентичности. Как правило, это личность с расщепленным сознанием; ей свойственно девиантное поведение (ср., например, протагониста поэмы В. Ерофеева «Москва-Петушки»).

Литература – не просто эстетическая действительность, упорядоченная в соответствии с определенными правилами. Это область перманентного поиска стержневой оси – как микрокосмоса, которым становится Человек, так и макрокосмоса – преломленной в знаковой системе реальности, внутри которой существует лирический герой. Мы полагаем, что из искусства миметического литература стала искусством гносеологическим: оно не просто воспроизводит реальность, но моделирует ее в соответствии с глобальным поиском Человека, его самоопределения и места в мире.

Литература, если проследить пути ее становления на диахронической оси, по-разному изображала человека. Если в эпоху античности главенствующую роль в изображении действующих субъектов занимали социальные (отчасти и сакральные) маски, типизирующие личность (тип vs индивидуальность), и эта тенденция сохранялась вплоть до Эпохи Классицизма, то становление новых литературных направлений – от сентиментализма до метамодернизма – углубляло представления о внутреннем мире человека. Человек внутренний (Е. Эткинд) стал настолько же интересен литературе, как и человек внешний.

Психологизацию литературного процесса невозможно осмыслить без обращения к категории экологии личности – аксиологической системы, высшей ценностью которой провозглашается жизнь человека. С одной стороны, литературное произведение реконструирует психические особенности индивида в субъектной системе произведения.

С другой – служит моделью, способной влиять на реальную личность, предоставляя различного рода образцы, на которые индивид

может ориентироваться в информационном контексте своего бытования. Цель настоящей статьи – исследование экологии личности действующего субъекта художественного текста.

Материалы и методы. Материалом настоящей работы послужил роман Н. Веревокина «Зуб мамонта. Летопись мертвого города». В качестве основных методов исследования применялись методы мифопоэтического, архетипического анализа; герменевтического комментария; иммерсивного чтения.

Обсуждение. Экология личности, рассмотренная нами в двух аспектах – психологическом и социальном, – важная проблема в творчестве Н. Веревокина. В центре художественного мира писателя находится личность, которую условно можно охарактеризовать как дефекитарную. Эта дефекитарность обусловлена разными причинами – от собственно психологических до социальных, когда столкновение с внешним миром и его обитателями накладывает на героев неизгладимый отпечаток, навсегда трансформирующий их внутреннего и внешнего человека (Е. Эткинд).

Веревокин – мастер художественной карикатуры (Валикова, Демченко, 2020). Его реальность дестабилизирована, ризоматична (в ней, как правило, отсутствует единый центр-топос, из которого произрастает сюжет), нелинейна. Герои поэтического универсума – это субъекты «пограничья», мигрирующие между разумом и безумием. Симптоматично, что существуют они, как правило, в контексте города – особого социального пространства, проверяющего личность на прочность и становящегося для нее инициационным топосом.

В центре нашего исследовательского интереса – личность главного героя романа «Зуб мамонта. Летопись Мертвого города» Руслана Козлова. Перед нами образец негативного девиантного поведения: Руслан наркоман, он инфантилен, склонен к депрессии и суицидальным мыслям. На протяжении всего нарратива героя мучит чувство вины за смерть его подруги Маши, скончавшейся от наркотической передозировки. Веревокин «помещает» своего героя в пространства, которые должны способствовать его внутренним и внешним трансформациям. Это урбанистические локусы с акцентированно негативной символикой:

Алматы и Степногорск, каждый из которых подходит под определение «Мертвого города». Мертвый город – это гипероним-метонимия нового общества, которое оторвано от собственной инстинктивной природы и руководствуется исключительно рациональными алгоритмами:

Придет время – и вся планета будет одним городом, где все продумано, просчитано. Рационально. Но в этом городе не будет живых людей, а только двуногие компьютеры, включенные в одну Всемирную сеть. Одинаково правильные и предсказуемые. Война уже началась. И неправильные живые люди с их ошибками, любовью и ненавистью, дикой природой уже обречены в неправильных городах и деревнях на вымирание¹.

Фабула в рассматриваемом произведении не равнозначна сюжету. Первые страницы романа знакомят нас с уже перерожденным героем, который прошел инициацию, смог пересечь мифическую границу между «тут-бытием» и «там-бытием» (М. Хайдеггер). Это герой, навсегда усвоивший этическую максиму «Спасись самому можно лишь спасая другого». Его социальное поведение апостериори изменилось. Пережив ряд болезненных трансформаций в Степногорске, обретя отца (по духу, а не по крови), Руслан возвращается в Алматы, чтобы заниматься общественно полезной работой: спасать от наркотической зависимости таких же людей, каким был он сам. Однако мы не можем утверждать, что изменилась сама психическая структура его личности. Руслан по-прежнему остается человеком, восприимчивым к миру. Об этом свидетельствует одно из авторских определений, атрибутирующих главного героя: он ощущает себя мягкотелой улиткой, ползущей по битому стеклу. В определенном смысле Руслан – носитель абсурдистского экзистенциального мироощущения. Его восприятие реальности подвержено абберациям, как и чувство времени, внутри которого он существует. Вселенная ощущается им как замкнутое, герметичное пространство, заставляющее его испытывать муки клаустрофобии; один из философских принципов *Esse*

est percipi (Беркли) аннигилируется: мир утрачивает перцептивность, становится невоспринимаемым («великая немота, знакомая аквалангистам и подводникам»). Он живет в саманном небоскребе, который каждый год достраивается, превращаясь в образ-перевертыш: это Башня из слоновой кости, символ вечного одиночества, в котором герой всякий раз достигает все новых высот. Однажды колокол маленькой церквушки на ее вершине огласит своим звоном Вселенную, и саманная башня рухнет. Обрушить глиняное строение может даже стук сердца. Мир вокруг Руслана не только иллюзорен и хрупок; он мертв, и видеть его неискаженным способны только глаза «мертвого человека». Это не только глаза «добродушного мертвеца», но и глаза картин и статуй – атрибутов мертвого города, выступающих элементами его декораций. Но Руслан не мертв; воспринимая пространство вокруг себя в модусе затхлости и умирания (о чем свидетельствуют многочисленные детали интерьера и экстерьера, такие, как лыжи, напоминающие покойника, завернутого в черный мешок), он по-прежнему стремится к Бытию, а не существованию. Парадоксальным образом его душа, заключенная в болезненном теле и разуме, пытается осознать собственную онтологию.

Руслан уже много лет не испытывал скуки. Просто не оставил ей места в плотном расписании каждого дня. Но не мог избавиться от утренней тоски. Он утешал себя: помимо всего прочего, люди делятся на немногих одиночек, кто знает, что такое свобода и что такое творчество, и потому мечтают о бессмертии; удел их – частые приступы неизлечимой тоски от тщеты существования и невозможности вырваться за пределы отведенного им времени – и на остальных, кто убежден, что бессмертие – невыносимая скука простого биологического существования. Большинство людей творческих профессий за творчество принимают нечто другое. Как и свободу. Творчество – это жутковатый поиск неоткрытой истины, тоска по сотворению нового мира. А свобода – лишь необходимое условие творчества. Единственное занятие, достойное человека, – поиск бессмертия. Бессмертие нужно, чтобы там, за гранью времен, слиться с Богом. И стать творцом, а не тварью.

Приведенный фрагмент позволяет нам эксплицировать в образе главного героя черты человека, живущего внутри абсурдистского мироощущения с его извечным

¹Веровочкин Н. Зуб мамонта. Летопись мертвого города. Здесь и далее <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/177589-143-nikolaj-verevochkin-zub-mamonta-letopis-mertvogo-goroda.html#text>

поиском свободы и смысла. По сути, это альтернативная реализация мифа о Сизифе, ставшего одним из существенных претекстов философии экзистенциализма. Мы помним, что Сизиф трижды избегал смерти; в своем стремлении к бессмертию он обманул даже владычицу подземного царства Персефону, вернувшись в мир, где тело его было осквернено его супругой по его же просьбе. Желая наказать Сизифа, боги обрекли его на вечную бесплотную работу: каждый день он должен был вкатывать на высокую гору тяжелый камень, и каждый раз, оказываясь на вершине, камень срывался вниз. Однако за прецедентным текстом «Сизифов труд» как актуализацией идеи бесполезного дела мы забываем о том, что было обещано Сизифу в случае, если его труд окажется ненепрасным. В мифе важна комиссивная часть нарратива: герою было обещано бессмертие. Это в корне меняет модус восприятия происходящего. Сизиф *понимает*, ради чего совершает свое каждодневное вековечное восхождение: стремление преодолеть собственную человеческую природу и стать бессмертным для него важнее бесплотных усилий. Об этом размышляет в своем эссе «Миф о Сизифе» А. Камю, ставя перед читателем вопрос о том, стоит ли жизнь затрачиваемых на нее усилий. Вопреки всему, ответ на этот вопрос утвердителен.

Таков же и протагонист «Летописи мертвого города». Однако прежде, чем прийти к такому мироощущению, ему пришлось совершить архетипическое нисхождение в загробный мир. Это – консеквативная часть нарратива, точка перехода истории в иное руло, то, что мы можем квалифицировать как событие. По мнению В. Шмида, событие происходит лишь в том случае, если трансформации, затрагивающие субъект нарратива, необратимы и имеют последствия (Шмид, 2003). Мы помним, что с точки зрения критериев экологически здоровой личности Руслан изначально дефектитарен:

– с точки зрения психологического и психического аспектов он инфантилен, склонен к причинению себе вреда – телесного и душевного, а также обладает целым рядом комплексов, с которыми не в силах справиться вне рамок девиантного поведения;

– с точки зрения микросоциальных отношений это человек, не способный взаимодействовать даже с ближним своим окружением, в том числе матерью.

Компенсаторной силой для него становится личность отца (как мы узнаем позже, отца не родного, а обретенного в силу стечения обстоятельств).

Мифологический отец Руслана – Павел Козлов по прозвищу «Бивень». Его имя коррелирует с метатекстовым комплексом заголовка: «зуб мамонта» становится не только аллюзией на хтонические силы, способные изменить мироздание, но и на конкретного субъекта нарратива, который функционирует в произведении как психопомп – проводник душ.

Примечательно, что в системе говорящих имен произведения актуализирована тотемическая символика. Так, *мамонт* и *козел*, реализованные в прозвище и фамилии Козлова-старшего, становятся амбивалентным комплексом онтологических и витальных смыслов. Первые, связанные с мифологемой мамонта, не только указывают на его непосредственную деятельность (градостроителя), но и сообщают образу демиургическое звучание. Мамонт – один из медиаторов мифологической оси «Нижний Мир – Срединный мир – Верхний мир». В сказаниях народов Крайнего севера он почитается как гармонизирующая сила, творящая мир из Хаоса. Будучи некогда великой Щукой, мамонт вышел из воды, чтобы проложить на земле русла рек и вместилища озер. Существует поверье, что когда земному придет пора отжить свой век, именно мамонт вернет его в состояние первоестества – воду (заметим, что мотив затопления является одним из ключевых в романе).

В то же время фамилия Павла – Козлов – мифологически связана с целым комплексом значений, главные из которых реализованы в мотивах жертвенности и вскармливания (вспомним, что именно козла приносили в жертву божествам подземного царства, в том числе в ритуале катабасиса; священная коза некогда Амалфея вскормила верховное божество древних эллинов). Таким образом, именно Павел Козлов должен стать для Руслана своеобразным проводником в загробный мир.

По мнению А.С. Демченко, «Руслану предстоит одолеть самого себя, умереть и воскреснуть в новом воплощении. Вот почему Степноморск играет для него гораздо большую роль, чем *место ссылки*. Это его архетипический загробный мир, транзитная зона духовного обновления» (Валикова, Демченко, 2020).

Путешествие в загробный мир – удел исключительного героя, наделенного способностью пересекать культурные границы (Матышак, 2021) (вспомним Геракла, Орфея, Одиссея Энея и других героев, обладающих чертами сверхлюдей – отчасти, мифологических репрезентантов ницшеанской идеи о сверхчеловеке).

Такое путешествие сопряжено с риском невозвращения. Как правило, топос «загробное царство» труднодоступен, а покинуть его до завершения инициации невозможно (вспомним эпизод неудавшегося отъезда Руслана из Степноморска, когда местный «вымогатель пошщины» заставляет героя остаться в городе). Героя в его нисхождении сопровождает проводник – вновь обретенный отец. Фигура отца становится витальной для душевной экологии главного героя: он не только учится налаживать микросоциальные связи, но и обретает мотивацию к изменению внутреннего и внешнего пространства своей жизни. Так, продав свою электрогитару, чтобы купить печь – центр архетипического «дома» как жизненного пространства – Руслан преодолевает рамки собственного эгоизма и становится способным на жертвенность. Козлов-старший – человек, нуждающийся в том, чтобы быть отцом – устанавливает с юношей прочную духовную связь. В их совместно обжитом мире обитают животные, нагруженные мифологической символикой: мышка Машка, пеликан Петька, кот Снежок.

Мышь – древний символ мысли и памяти. Думается, неслучайно ее имя совпадает с именем подруги главного героя, которую он потерял. Память об ошибках прошлого – мотив, требующий разрешения. Пеликан (отметим, что для Степноморского топоса это не просто экзотичная, но «потусторонняя» птица, которая может рассматриваться нами как очередная аллюзия на философию абсурда, в частности, «Постороннего» А. Камю) лишен природных ориентиров и неспособен покинуть место, которому не принадлежит. Кот – один из посредников между мирами.

Преодоление собственной экзистенциальной вины герой видит только в смерти. Однако решиться на то, чтобы покончить с жизнью, ему мешает инертность установок (неслучаен образ-параллель между Русланом и петухом с отрубленной головой, продолжающим свое мертвое перемещение

в пространстве). Полагая, что если человек не хочет жить, ему нужно помочь, Козлов-старший становится реализатором задуманного. Он вручает сыну пистолет.

Руслан приставил дуло пистолета к виску, но локоть уперся в стену. Он подумал, что под таким углом нанесет себе рану, от которой не скоро умрет, и отодвинулся к противоположной стене могилы. Желание жить было столь мучительным, столь невыносимым, что он, жалобно замычав, судорожно нажал курок.

Мертвая тишина наступила после грохота. Словно сама природа содрогнулась в испуге. Полная тишина. Все было вроде то же – зев могилы, уходящей в небо, окаймленный белым квадратом снега, – лишь слегка изменился цвет. Как же так, вот я умер, а все вижу. Он видит все это глазами души. Глазами мертвого человека. Его тело скоро станет глиной, а душа поднимется над землей и сольется с ноосферой, чистой сферой разума. И будет смотреть с высоты на его брошенное тело. Жалкий, глупый кусочек мертвой плоти, которому был дан редкий шанс двигаться, думать, жить, любить и страдать наравне с другими теплыми существами – птицами, собаками...

Смерть становится для Руслана инициационным опытом. Герой возрождается, испытывая дикую радость; внутри него бушует пожар от осознания того, что он по-прежнему жив. И в этом огне прогорает то, что мешало ему жить – человек из прошлого, часть пережитого опыта, элемент личности, который больше не участвует в процессе самоидентификации.

Смерть, По Н. Веревочкину, не способна принести человеку ни раскаяния, ни прощения: спастись самому можно только спасая другого. Этот нравственный императив становится для Руслана телеологически первичным. Но Бытие для героя меняется:

На Земле все оставалось по-прежнему, и все неузнаваемо изменилось. Человека, только что вернувшегося с того света и все еще смотрящего на мир глазами мертвеца, поразили теплый, печальный цвет крестов, железных звезд и деревьев на холодном и чистом, рериховском закате. Никогда он не видел такого многоцветного, такого сиротского неба. Это был не закат, а палитра с красной дырой солнца. Неужели до этого он видел мир практически серым, каким его видят волки и собаки?

Отправляясь по хлипкому мосту на другой берег реки, Руслан возвращается в мир живых окончательно. С его возвращением

улетает «белоснежный ангел» Петька (отметим, что птица путает направление; это вероятный пролепсис будущих испытаний и ошибок главного героя).

Таким образом, между двумя мертвыми городами для Руслана возникает пространство внутреннего преображения. Герой, сумевший пережить смерть-инициацию, становится носителем «щели в плотине», которая рано или поздно затопит познанный мир, знаменуя идею смерти и возрождения. Вспомним: изначально Вселенная ощущается героем как герметичная и замкнутая. В новом мире «будут хорошо жить хорошие люди».

Покидая Алма-Ату, Руслан слышит последнюю песню – «Песню жаворонка», рассветной птицы, символизирующей начало нового дня. В очередной раз герой пересекает границу между топосами и отправляется на поиски нового мира – мира, в который он способен войти как душа зрелая и навсегда изменившаяся.

Заключение. Экология личности – важная проблема для современного литературного процесса. Смена художественных парадигм в литературе привела к тому, что в зоне ее пристального интереса оказалась не «внутренне целостная» личность, но индивид с расщепленным сознанием, пытающийся обрести свое место в мире путем инициационного перехода в новое качество. Экология личности ориентирована на осмысление личностной феноменологии с точки зрения ее психологических, психических и социальных процессов и установок. Субъект наррации, переживающий определенные внутренние и внешние трансформации, способен стать моделью для понимания этих процессов. В настоящей работе мы попытались продемонстрировать, как проблема возвращения личностной экологичности решается на уровне субъектной реализации художественного нарратива. Выбранный нами роман неслучаен; художественный универсум Н. Веревошкина – это мир изначально дефективных личностей, пытающихся преодолеть собственную ущербность через различного рода испытания.

Мы рассмотрели проблему экологии личности в нескольких аспектах – психологическом, социальном и собственно экологическом. Субъектным воплощением личности стал протагонист романа «Зуб мамонта» Руслан Козлов. Анализ его структуры подтвердил, что изначально перед нами субъект, лишенный параметров психологической стабильности: эмоциональной зрелости, волеизъявительной и гносеологической сфер ментально-психической конституции. Он лишен индивидуальной телеологии. Это личность надломленная; тяжело переживая смерть своей подруги и будучи не в силах избавиться от собственных аддикций, Руслан нуждается в стабилизирующем контексте, которым становится новый топос с населяющими его субъектами.

С точки зрения социального аспекта, личность главного героя также дефективна: мы проанализировали расщепление микросоциальных связей, которые препятствуют адекватному вхождению индивида в макросоциум.

Экологический аспект – проблема вживания героя в пространство «умирающего города» (топос эсхатологии) – ставит перед читателем вопрос о корреляции индивида и окружающей среды.

Герой нуждается в инициационном переходе, способном восстановить его личностную экологию. Такой инициацией для него стала смерть – духовная и личностная, и сопутствующее ей возрождение. Так как постмодернистский дискурс Веревошкина тесно коррелирует с мифопоэтической кодовой системой, мы реконструировали архетипический мотив нисхождения в загробный мир на уровне сюжета и сопряженных с ним символов.

Литературное произведение в данном случае обладает не только репрезентативным, но и дидактическим потенциалом: проблема экологии личности может, по нашему убеждению, стать обсуждаемой в студенческой аудитории, так как, по наблюдению Н.Л. Лейдермана, мы «спасаемся литературой».

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – 3-е изд. – СПб.: Питер. – С. 2001. – 288 с.
2. Белоус О.В. Психологическое здоровье в аспекте экологии личности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. - 2020. - № 7. - С. 38-42.
3. Валикова О.А., Демченко А.С. Роман «Зуб мамонта. Летопись мертвого города» Н. Веревочкина: мифотектоника и художественная аксиология // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. - 2020. - № 2. - С. 98-109.
4. Ивлева М.И. Взаимосвязь медиа экологии и экологии личности в теории коммуникации Н. Постмана // Право и практика. - 2017. - № 3. - С. 182-185.
5. Казначеев В.П. Проблемы экологии человека. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
6. Лейдерман Н.Л. Спасать литературу – спастись литературой (о статусе предмета «Литература» в российской школе) // Мир русского слова. - № 3 (11). 2002. - С. 58– 66.
7. Матышак Ф. Древняя магия. - М: Манн, Иванов и Фебер, 2021. - 224 с.
8. Оллпорт Г. Становление личности. Избранные труды. - М.: Смысл, 2002. – 528 с.
9. Панферов К.Н. Проблемы экологии духа // Вестник Московского государственного университета леса - Лесной вестник. - 2011. - № 2. - С. 160-167.
10. Шмид В. Нарратология. – М.: Яз. слав. культуры, 2003. – 312 с.
11. Demeyer, H., & Vitse, S. The affective dominant: Affective crisis and contemporary fiction. *Poetics Today*. - 2021. – 42(4). – Pp. 541-574.
12. Hutcheon L. *A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction*. – New York: Routledge, 1988. – 567 p.
13. Sim S. *The Routledge Companion to Postmodernism*. – London: Routledge, 2011. 352 p.

References

1. Ananyev B. G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge] – 3rd ed. (Piter, SPb, 288 p.). (In Russian)
2. Belous O.V. 2020. *Psihologicheskoe zdorov'e v aspekte ekologii lichnosti* [Psychological health in the aspect of personality ecology], *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki*. Seriya: Poznanie, 7, 38-42 (2020). (In Russian)
3. Valikova O.A., Demchenko A.S. Roman «Zub mamonta. Letopis' mertvogo goroda» N. Verevочкиna: mifotektonika i hudozhestvennaya aksiologiya [The novel *Mammoth's Tooth. Chronicle of the Dead City* by N. Verevочкиn: Mythotectonics and Artistic Axiology], *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vyshej shkoly* [Philological sciences. Scientific reports of the higher school], 2, 98-109 (2020). (In Russian)
4. Ivleva M.I. *Vzaimosvyaz' media ekologii i ekologii lichnosti v teorii kommunikacii* N. Postmana [Relationship between media ecology and personality ecology in the theory of communication by N. Postman], *Pravo i praktika* [Law and practice], 3, 182-185 (2017). (In Russian)
5. Kaznacheyev V.P. *Problemy ekologii cheloveka* [Problems of Human Ecology] (Nauka, Moscow, 1986, 142 p.).
6. Leiderman N.L. *Spasat' literaturu - spasat'sya literaturoj* [To Save Society Saving Literature] (o statuse predmeta «Literatura» v rossijskoj shkole). *Mir russkogo slova* [The world of the Russian word], 3 (11), 58 – 66 (1986).
7. Matyshak Ph. 2021. *Drevnyaya magiya* [Ancient Magic] (Mann, Ivanov i Feber, Moscow, 224 p.). (In Russian)
8. Ollport G. 2002. *Stanovlenie lichnosti. Izbrannye trudy* [Formation of Personality. Selected Works] (Smysl, Moscow, 528 p.). (In Russian)
9. Panferov K.N. *Problemy ekologii dukha* [Problems of the ecology of the spirit], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa - Lesnoj vestnik* [Bulletin of Moscow State University of the Forest – Forest Bulletin], 2, 160-167 (2011). (In Russian)
10. Shmid V. 2003. *Narratologiya* [Narratology] (Yaz. slav. kul'tury, Moscow, 2003, 312 p.). (In Russian)
11. Demeyer, H., & Vitse, S. The affective dominant: Affective crisis and contemporary fiction. *Poetics Today*, 42(4). 541-574 (2021).
12. Hutcheon, L.A 1988. *Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction* (Routledge, New York, 567 p.).
13. Sim, S. 2011. *The Routledge Companion to Postmodernism* (Routledge London, 352 p.).

D. Kairatkyzy¹, R.R. Barkibayeva¹, O.A. Valikova²

¹Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

²Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Problems of ecology of personality as a subject of a literary text (based on the material of N. Verevchkin's novel *Mammoth Tooth. Chronicle of the Dead City*)

Abstract. This article is devoted to an actual interdisciplinary problem - the ecology of personality in the context of the literary approach. Personal ecology, which studies the phenomenon of individual mental structure, is currently developing in several directions - from pan-ecological, when an individual is comprehended as part of the environment, to psychological, when his unique personal characteristics participate in the flow of subjective interactional processes. Literature can also become material for the study of this phenomenon. A literary text, whose subject organization is data for analysis, provides us with types of personalities that it is advisable to study from the point of view of personal ecology. In this work, we tried to demonstrate this using the example of a postmodern text - N. Verevchkin's work *Mammoth's Tooth. Chronicle of the Dead City*. The protagonist of the novel is a classic example of a deficient personality who overcomes his own negative attitudes in the context of a new social environment for himself. Using the method of mythopoetic analysis and psychological commentary, we came to the conclusion that the hero of modern Kazakhstani prose is a person with a disturbed internal ecology, which can be restored only by certain circumstances (explicated by us at the level of the plot).

Keywords: personality ecology, postmodernism, deficiency hero, Nikolay Verevchkin.

Д. Қайратқызы¹, Р.Р. Баркибаева¹, О.А. Валикова²

¹Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

²Патрис Лумумба атындағы Ресей халықтар достығы университеті,
Мәскеу, Ресей

**Көркем мәтіннің субъектісі ретіндегі тұлға экологиясының мәселелері
(Н. Веревокиннің «Зілдің тісі. Жансыз қаланың жылнамасы» романы негізінде)**

Аңдатпа. Бұл мақала өзекті пәнаралық мәселе – әдебиеттану жөніндегі көзқарас мәнмәтініндегі тұлға экологиясын зерттеуге арналған. Жеке психикалық құрылым құбылысын зерттейтін тұлға экологиясы қазіргі уақытта бірнеше бағытта – жеке тұлғаны қоршаған ортаның бір бөлігі ретінде түсіндіретін панэкологиялық бағыттан бастап, оның бірегей тұлғалық қасиеттері субъективті интеракциялық процестердің ағымына қатысатын психологиялық бағытқа дейін дамып келеді. Әдебиет те осы құбылысты зерттеу материалы бола алады. Субъектілік ұйымдастырылуы талданатын мәліметтер болып табылатын көркем мәтін бізге тұлғалық экология тұрғысынан зерттеуге болатын тұлғалардың түрлерін ұсынады. Бұл жұмыста біз мұны постмодерндік мәтін – Н. Веревокиннің «Зілдің тісі. Жансыз қаланың жылнамасы» атты шығармасы мысалында көрсетуге тырыстық. Романның бас кейіпкері – өзі үшін жаңа әлеуметтік орта мәнмәтінінде өзінің жағымсыз нұсқамаларын жеңетін дефектті тұлғаның классикалық үлгісі. Мифпоэтикалық талдау және психологиялық түсініктеме беру әдісін пайдалана отырып, біз қазіргі қазақстандық прозаның кейіпкері – тек белгілі бір мән-жайлар ғана қалпына келтіретін ішкі экологиясы бұзылған тұлға (сюжеттік деңгейінде ұғындырылған) деген қорытындыға келдік.

Түйін сөздер: тұлға экологиясы, постмодернизм, дефектті кейіпкер, Николай Веревокин.

Сведения об авторах:

Кайраткызы Д. – докторант кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан.

Баркибаева Р. Р. - доцент кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Валикова О. А. – PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия.

Kairatkyzy D. – Ph.D. student of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-FarabiKazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Barkibayeva R. R. – Associate Professor of the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan.

Valikova O. A. – PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.